

нечно, царский внук Мономах мог получить еще более богатые в эпоху Комненов. Какое-то зерно правды тут есть. Любопытно, что «Слово» путает имена Комненов: вместо современников Владимира Мономаха, Алексея (1081—1118) и Иоанна (1118—1143), оно называет славного Мануила (1143—1180), гораздо более известного на Руси и оставшегося в нашем эпосе в виде царя Этмануила. Этот анахронизм доказывает, что певец «Слова» черпал не из письменных, а из устных источников, из богатого запаса дружинных песен, воспевавших подвиги и величие славного князя Владимира. Можно сказать, что почти каждая из приведенных фраз есть намек на известные слушателям песни: о Мономахе и половцах, о Мономахе и греческом царе и т. д. Их было, вероятно, немало. Сильно измененные следы их сохранились в былинах о Владимире Красное Солнышко и его богатырях.

Последняя фраза начинала новый, четвертый отдел отрывка: «А в ты дни болезнь крестьяном». В какие дни? Очевидно, не в эти последние (было бы сказано «в си»), а в отдаленные, предыдущие. Об этом дальше сказано точно: «от великого Ярослава и до Володимера», т. е. от смерти Ярослава Мудрого и до возвышения Владимира Мономаха. Это — нашествия половцев и княжеские усобицы второй половины XI в., разорявшие Русь и ее жителей. Как и «Слово о полку Игореве», наше «Слово» хотело вспомнить «давних времен усобицы», бывшие «болезнью» для христиан, чтобы подвести к трагической катастрофе, к нашествию татар, ставшему «погибелью» для Русской земли. Эти усобицы продолжались и «до нынешнего Ярослава». «Нынешний Ярослав», как «нынешний Игорь», — это здравствующий, главный герой задуманного «Слова». Оно, вероятно, хотело воздать должное его усилиям сохранить политическое бытие и единство Русской земли в самых тяжелых условиях. Нам кажется, что певец считает Ярослава великим князем киевским, прямым наследником его великих предков, перечисленных выше. То, что его старший брат Юрий скромно назван на втором месте, с титулом только «князя володимерьского», дает возможность предполагать, что его уже не было в живых и что поэт назвал его, ибо желал рассказать о его смерти в битве на Сити, в этой трагической «погибели».

Трудно сказать, было ли написано продолжение «Слова о погибели». Возможно, что оно было записано в одном лишь экземпляре и сгорело в огне татарского нашествия, а сохранился лишь переписанный кем-то первый листок (40 строк умещаются как раз на двух страницах тетради). Возможно, что продолжение и не было написано — автор мог вскоре погибнуть в бою.

Одно несомненно: автор задумал «Слово о погибели Русской земли» — поэтическое произведение, задачей которого было воспеть былую славу родины в контрасте со страшным татарским нашествием; в этом произведении должен был играть главную роль великий князь Ярослав Всеволодич, к которому автор был близок. Все предположения о том, что «Слово» могло быть вступлением к житию Александра Невского или к гипотетическому житию его отца, не выдерживают критики. «Слово о погибели» было задумано и написано еще при жизни Ярослава. Оно является поэтическим произведением и должно быть рассматриваемо как таковое. Необходимой задачей становится его всестороннее исследование с точки зрения историко-литературной, стилистической и национально-политической. Несмотря на краткий объем отрывка, он должен занять почетное место в истории древнерусской литературы, являясь связующим звеном между «Словом о полку Игореве», «Задонщиной» и последующими былинами.